

СЛАВЯНОФИЛЬСКО-ЕВРАЗИЙСКАЯ ТРАКТОВКА ЛОКАЛЬНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ КАК ВЫРАЖЕНИЕ КРИЗИСА РОССИИ СЕРЕДИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ*

Аннотация. Анализ кризиса России середины XIX – начала XX века является центральной темой размышлений отечественных философов консервативного направления. Его рассмотрение было начато ранними славянофилами, продолжено Н.Я.Данилевским, К.Н.Леонтьевым, евразийцами. Они обосновывают кризисное состояние России, выраженное в «европейничанье» образованных слоёв общества, в утрате отечественных ценностей, среди которых самыми важными являются: русский народ, самобытная русская культура, отечественная православная духовность, общинность жизненного уклада, русское самодержавие. При этом важнейшим аспектом анализа кризиса становится критика петровских реформ, бездумной европеизации России и европоцентризма в политической практике и теории. Всё это придаёт взглядам рассматриваемых в статье мыслителей особую актуальность, порождённую попытками либерализации отечественного национального сознания. Исходя из этого теория локальных цивилизаций, «культурно-исторических типов» не может не привлекать внимания исследователей. Взгляды ранних славянофилов, Данилевского, Леонтьева, евразийцев становятся всё более современными.

Ключевые слова: Кризис, Россия, Европа, Евразия, ранние славянофилы, Н.Я.Данилевский, «европейничанье», культурно-исторический тип, локальная цивилизация, К.Н.Леонтьев, византизм, евразийство, революция.

В творчестве славянофильско-евразийского направления отечественной мысли анализ кризисного мироощущения занимает особое место. Об этом, например, активно рассуждали ранние славянофилы, утверждавшие, что молодая и ещё полная сил Россия призвана осуществить очередной этап развития мировой цивилизации. Для этого она должна перехватить лидерство у неспособной уже к поступательному развитию, переживающей глубокий кризис, потрясаемой революциями и войнами Европы. В этой связи славянофилы постоянно призывали к сохранению собственных основ, в ряду которых ими особо выделялись русское православие, русское самодержавие и русский народ. Их взгляды, сформированные до отмены крепостного права, ещё полны оптимизма.

По мнению славянофилов, предстоящие реформы, главным образом, отмена крепостного права, в подготовке которых некоторые из них активно участвовали, в дальнейшем будут способствовать поступательному развитию русского общества, устроят имеющиеся вопиющие противоречия, спасут Россию от кризиса, уже постигшего Европу.

Неудивительно, что к реформам, совершённым Петром I, славянофилы относились достаточно сложно. В известном смысле, признавая их историческую неизбежность, они утверждали, что Пётр, ориентируясь на западноевропейские образцы, при помощи решительных, насильственных средств и методов, изменил ход русской жизни. Поэтому «переворот, совершённый Петром, - утверждает И.Киреевский, - был не столько развитием, сколько переломом нашей национальности; не столько внутренним успехом, сколько внешним нововведением» (1). Таким образом, органический путь развития был прерван, отечественные цивилизационные ценности подвергнуты ревизии.

В результате Россия вступила в затяжной и глубокий кризис, очень для нас болезненный. Признавая, что Пётр I много сделал для возвеличивания России, славянофилы полагали: это произошло не благодаря, а вопреки его реформаторской деятельности. Ибо петровская Россия победила, став одной из крупнейших в мировой истории империей, силами России допетровской, в полной мере задействовав и практически исчерпав её потенциал. Пётр же разделил Россию на преобразованные им в западном духе, заговорившие по-иностранному «верхние классы» и сохранившие свои самобытные корни народ.

Славянофилы убеждены: для того чтобы вновь стать русскими, необходимо освободиться от влияния Западной Европы. Однако сделать это непросто, ибо Запад прочно обосновался в России, «если не перерождая, то искажая Русских людей, - писал К.Аксаков, делая их жалкими себе и своей лжи подражателями, отрывая их от самобытности, от их родных, святых начал» (2). Так или иначе, но все славянофилы были убеждены в том, что ложная и опасная привычка подражания Западной Европе разрушала перспективы особого пути исторического развития России, ввергала её в состояние системного кризиса, подрывала идею о её великом всемирном предназначении.

* © Шиманская О.К., Пушкин С.Н.

Однако в то же время они прекрасно осознавали, что путь, который должна пройти Россия, - это не возврат к допетровской старине, а путь допетровской Руси. Возврат к конкретным формам прежней жизни мог, по их заявлениям, привести лишь к углублению кризиса, разрушению русской жизни. В этом случае «перемещение прошлого в новое, отжившего в живущее, - пишет И.Киреевский, - было бы тоже, что перестановка колеса из одной машины в другую, другого устройства и размера: в таком случае или колесо должно сломаться или машина» (3). Очевидно, что славянофилы выступали не против достижений европейской культуры и цивилизации, а лишь против раблепного поклонения Западу, ввергающего Россию в тяжелейший, необратимый кризис, из которого нам более вероятен был лишь катастрофический исход.

Неославянофил Н.Я.Данилевский, создавший свою концепцию во второй половине XIX в., по справедливому утверждению Г.Гачева «дитя Крымской войны» (4), в которой Россия потерпела сокрушительное поражение. Это явилось одной из причин системных реформ 60-70-х гг. XIX в., которые, имея ряд неоспоримых достижений, не только не вывели страну из кризиса, но и придали ему новые черты и большую глубину, что способствовало формированию у Данилевского значительно более консервативных взглядов. Поэтому он и критикует славянофилов за их либеральные настроения, прежде всего - за сглаживание противоречий между Россией и Европой, позволяющее им заявлять о линейном развитии единого человечества. Европейский путь, постоянно повторяя Н.Я.Данилевский, грозит России кризисом, порождающим тяжелейшее заболевание, названное им «европейничаньем». Прибегая к биологическим метафорам, он пишет:

«Если, однако, мы взглядем в русскую жизнь, то скоро увидим, что её здоровье - неполное. Она не страдает, правда, неизлечимыми органическими недугами, из которых нет другого исхода, как органическое разложение; но одержима, однако же, весьма серьёзною болезнью, которая так же может сделаться гибельною, постоянно истощая организм, лишая его производительных сил. Болезнь эта тем более ужасна, что (подобно собачьей старости) придаёт вид дряхлости молодому облику полного жизни русского общественного тела и угрожает ему если не смертью, то худшим смертию - бесплодным и бессильным существованием» (5). Болезнь эта достигает по Данилевскому, своего пика. Её излечение, выражает он надежду, может быть позитивным в силу сравнительной молодости русского общественного организма и неисчерпанности его жизненных сил, а может быть и негативным, поскольку возможен различный ход истории.

Определяя причины кризиса России, Данилевский солидаризируется со славянофилами. Он также полагал, что вирусом, возбудившим болезнь русского общественного организма, явились реформы Петра I. Познакомившись с Европой, Пётр «влюбился в неё и захотел во что бы то ни стало сделать Россию Европой» (6). В результате петровских преобразований «русская жизнь была насильственно перевёрнута на иностранный лад» (7) - констатирует наш мыслитель. И если первоначально это затронуло только верхние слои общества, то впоследствии кризисное искажение русской жизни стало распространяться и вширь, и вглубь. Русское общество, пишет Данилевский «обезнародовалось под влиянием европейских соблазнов и принимало какой-то общеевропейский колорит: то с преобладанием французских, то немецких, то английских колеров» (8). Россия тяжело заболела, пораженная недугом «европейничанья», проявлявшегося в нескольких вполне определённых формах.

Во-первых, это искажение, порча народного быта, подмена его, что в совокупности обуславливало извращение всего внутреннего строя национальной жизни. Изменения форм быта приводят, в конечном счёте, к расколу народа на два слоя, отличающихся внешним видом, образом жизни и даже языком: «Низший слой, - указывает Данилевский, - остался русским, высший сделался европейским - европейским до неотличимости» (9). Во-вторых, это бездумное заимствование различных иностранных учреждений («всё хорошее на Западе непременно будет хорошо и у нас»). В результате, Россия получает бюрократизацию управления и судопроизводства. Третья же форма европейничанья предполагала рассмотрение как внешней, так и внутренней национальной политики России через «европейские очки», забота о европейском интересе более чем о собственном. Сравнивая Россию с героем комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» Фамусовым, которого более всего волновало мнение княгини Марьи Алексевны, Данилевский возмущённо замечает: «Мы возвели Европу в сан нашей общей Марьи Алексевны, верховной решительницы достоинства наших поступков. Вместо одобрения народной совести, признали мы нравственным двигателем наших действий трусливый страх перед приговорами Европы, унижительно-тщеславное удовольствие от её похвал» (10).

Подводя под славянофильские идеи серьёзные теоретические основы, свидетельствующие о национальной неповторимости, своеобразии народов, Данилевский создаёт концепцию культурно-исторических типов. Он определяет культурно-исторические типы как целостные совокупности характерных элементов как духовной, так и

материальной жизни этноса, которые проявляются в религии, социально-экономических, политических и других отношениях и могут быть поняты только в своём внутреннем единстве и циклическом развитии. Данилевский однозначно заявлял, что деление мировой истории на древнюю, среднюю и новую никак не может исчерпать всего её содержания. Ибо все исторические народы, имели свою древнюю, свою среднюю и свою новую историю, то есть «имели свои фазисы развития» (11). При этом цивилизация - завершение, характеризующееся цветением, кризисом и гибелью, культурно-исторического типа.

Не отрицая Промысел Божий в истории, Данилевский закладывает сомнение в его универсальности. В его теории проявляется кризисное, переходное настроение эпохи. Основными его критиками с позиций христианского универсализма выступали В.С.Соловьёв, В.В.Зеньковский и некоторые другие. Данилевский же разработал коэволюционный подход к идее прогресса, связанный с угасанием одних и зарождением и развитием других культурно-исторических типов. При этом ни один культурно-исторический тип никогда не может представлять собой высшую точку развития человечества. Борьба культурно-исторических типов есть, по утверждению Данилевского, источник исторического развития. Ибо смена на исторической арене старых культурно-исторических типов новыми - неизбежна.

В этой связи Европа, по Данилевскому, – больной, дряхлеющий организм. Предчувствуя свою гибель, она пытается выйти из кризиса, подменяя национальные ценности других народов ценностями европейскими, выдаваемыми за общечеловеческие. Европа, завершая свой жизненный цикл, достигла последнего этапа – цивилизации, плодоношения культурно-исторического типа. В это время расцветают наука и искусство, народ творит и выражает себя в соответствии со своим складом характера. К сожалению, период плодоношения длится недолго. Творческая активность народа быстро иссякает, и цивилизация впадает или в «апатию отчаяния», или «апатию самодовольства», гибнет.

В противоборстве со стареющей Европой Россия должна создать Всеславянский культурно-исторический тип. Извергнуть, излечить «европейничанье», она может лишь в союзе с другими славянскими народами. А поэтому Данилевского возмущало, что не только в Европе, среди славянских народов, но даже и в России, постоянно распространяются идеи европоцентризма. Он усматривал перспективы дальнейшего мирового исторического развития в славянском культурно-историческом типе и крайне негативно относился к любым попыткам подчинения России Европе. Да-

нилевский убеждён: объединённой Европе может противостоять только объединённое Славянство. Выход из кризиса для России он усматривал в создании Всеславянского культурно-исторического типа.

К.Н.Леонтьев существенно обогатил взгляды своего предшественника. По его убеждению, в жизни любого социального организма можно выделить три периода: 1) первичной простоты, 2) цветущей сложности, 3) вторичного смешительного упрощения. Он много писал об угасании жизненной энергии Европы, проявляющейся в появлении «среднего человека», чуждого собственной исторической культуре. Порожденный эгалитаризмом, оторванный от традиционной культуры своего народа он выступает орудием всемирного разрушения. Очевидно, что критика Леонтьева была направлена против нарождающейся буржуазной массовой антикультуры, которая передавалась Европой и Россией. Его беспокоит, что Россия всё более напоминает разрушающуюся Европу. Это, по Леонтьеву, не могло не породить кризисных тенденций развития России. «Увы! – восклицает он, - до Петра I мы были слишком похожи на Византию, с Александра II - го мы становимся слишком похожи на Европу (не на Францию, не на Англию или Германию, а именно на Европу), на какую-то среднепропорциональную Европу...» (12). Для него Россия сильна: самодержавием, православием, духовно-аскетической традицией нравственного совершенствования, а не принадлежностью к славянству. По мнению Леонтьева, славянские народы уже в значительной мере утратили культурную идентичность, разрушенную эгалитарным западноевропейским прогрессом.

В этой связи он весьма положительно оценивал политическое порабощение некоторых славянских народов, так как уверен, что именно благодаря этому у славян только и сохраняются «истинно славянские» черты. В частности Леонтьев полагал, что за неимением лучшего средства «турецкий презервативный колпак» в достаточной мере эффективно сдерживает разрушительное воздействие западноевропейской цивилизации на южных славян. И если изгнание турецкого султана всё же, по его утверждению, необходимо, то только потому, что султан уже не может эффективно противостоять расширяющемуся кризису, порождённому европейским либерализмом. «Мусульманство везде гибнет под ударами не христианства, с сожалением констатирует Леонтьев, - ... но под ударами... прогрессивного европейского мещанства» (13).

К.Н. Леонтьев один из первых в России ощутил необычайно остро, бездуховность западноевропейской цивилизации, связанной с формированием массового общества потребления и

массовой культуры, девальвирующей ценности и национальных культур, и культуры «высокой», элитарной. Отсюда и призывы мыслителя «подморозить» Россию, приостановить процесс её гниения и разложения. Он постоянно призывал не подражать Западной Европе. Его явно пугали различного рода заявления о насущной необходимости для России повторить кризисный путь европейской буржуазной цивилизации, порождающей не духовные, а материальные ценности. Много размышляя о том, как спасти Россию от «иностранных заразы», он приступает к созданию концепции монархического социализма, возглавляемого «Славянским Православным Царём».

Усматривая дальнейшее развитие России не на либерально-буржуазной, а на монархически-социалистической основе, Леонтьев, до удивления верно, предвидел многие его исторические черты. Рассматривая социализм в России как «глубокий и отчасти насильственный переворот», он не сомневался, что его воцарение множество страданий и обид «может причинить побеждённым (т.е. представителям либерально-мещанской цивилизации) ... будущие победители устроятся или свободнее, либеральнее нас, или, напротив того, законы и порядки их будут несравненно стеснительнее наших, строже, принудительнее, даже страшнее» (14). Однако только такой социализм, по многочисленным утверждениям Леонтьева, может приостановить кризис и спасти Россию от гибели. Он предлагал России объединяться не с европеизированными славянскими, а с сохранившими самобытность азиатскими народами, что в начале XX в. активно поддержало евразийство, складывающееся на основе кризисного мироощущения, порождённого «видением исторического трагизма», в европейской послереволюционной эмиграции.

Евразийские мыслители, объединяя славян и туранцев (народы «урало-алтайской группы»), заявляют: русские - не европейцы и не азиаты, а евразийцы, для которых однако Восток значительно ближе, чем Запад. Для них русские – это единство славянского и туранского этносов. Только путем добровольной русификации туранцев и добровольной туранизации русских и образуется, по мнению евразийцев, своеобразный и оригинальный евразийский национальный тип.

В этой связи западный образ жизни, ввергающий Россию в состояние острейшего кризиса, мог быть усвоен русскими достаточно разнообразно, но чаще всего ущербно для себя. В этом случае, по их наблюдениям, они вполне могли перестать быть самими собой. Как правило, русский отнюдь не становился европейцем, а всего лишь уродовался. А это неизбежно должно изуродовать и Россию-Евразию. Искажение же ее облика неиз-

бежно ведет к утрате, забвению ее исторического предназначения. Она уже не сможет следовать своим естественным путем, став «провинцией европейской цивилизации». Нельзя просто заимствовать чужие ценности. Рассуждая об этом, Г. Флоровский вспоминал афоризм Ницше о том, что «можно быть беременным только собственным ребенком». И утверждал приоритеты национальной самобытности над национальным своеобразием. Последнее понятие, убеждал он, по своему содержанию тождественно понятию «творчество». Следовательно, писал Флоровский, «ударение должно ставиться здесь не на определение – «свой», а на обстоятельство образа действия – «сами» (15). В итоге, мыслители также заявляли, что евразийская цивилизация отнюдь не всегда может безболезненно для себя пользоваться результатами европейской цивилизации. Подражание чужим духовным образцам никак не повышает собственный духовный потенциал, а, напротив, ведет к его резкому снижению, к кризису. В этом евразийцы усматривали важнейший недостаток взаимоотношений Евразии с Европой.

Как и их славянофильские предшественники, евразийцы также были недовольны петровскими реформами. Они были убеждены, что русская революция, как «суд над послепетровской Россией», неизбежна. По их мнению, русская революция разрушила не Россию, а ненавистный им петербургский период её истории. Евразийцы напоминали о том, что многие годы революция в России была тем идеалом, в котором вмещалась любовь ко всем униженным и оскорбленным. Усматривалась в ней ими и «готовность жертвенного заклания на алтарь всеобщего счастья». А поэтому революция не катастрофа, не безысходный кризис, а завершение петербургской России. Это событие, подготовленное веками. В революции, указывал Г.Флоровский, «потерпел крушение замысел обосновать русское могущество на воле и темпераменте «избранного» меньшинства – помимо органического роста народного уклада. Разбилась утопия – вести народ к целям надуманным (16). Евразийцы убеждены: в октябре 1917 г. Россия перестала быть пассивным подражателем европейской цивилизации.

Всем неевропейским народам, утверждали наши мыслители, необходимо освободиться от европейских предрассудков. Наиболее опасным из них они полагали отождествление европейской цивилизации с общечеловеческой. Ибо всюду насаждающие космополитизм европейцы скрывали, маскировали узкоэтническое содержание европейской цивилизации. Неевропейские же народы, воспринимая вместе с европейской цивилизацией и европейскую ее оценку, так или иначе, скатывались на позиции европоцентризма. Чтобы

избежать этого следует помнить два афоризма: «познай самого себя» и «будь самим собой». Только так, проделав «коренной переворот» в своем сознании, Евразия может прийти к выводу, что европейская цивилизация отнюдь не общечеловеческая, а всего лишь цивилизация «определенной этнографической особи», «обязательная» только для европейцев.

Выдаваемая за мировую европейская цивилизация, с точки зрения евразийцев, представляет серьезную угрозу для человечества. Жизненные силы ее уже на исходе, а поэтому она в достаточно скором будущем должна сойти с исторической сцены, погибнуть. Евразийцы неоднократно отмечали, что все цивилизации прошлого, включая и европейскую средневековую, «в принципе построены одинаково». «Любая из них есть единая гармоническая система, все составляющие которой поддерживают и определяют друг друга; в ней они переплетены и взаимозависимы» (17). Современная европейская цивилизация структурирована совершенно иным образом. Для неё в первую очередь, характерна разобщённость отдельных составляющих частей. И если ранее всем цивилизациям, по мнению евразийцев, были присущи, с одной стороны, покой и неподвижность, а с другой – обуздание человеческой индивидуальности, то современная европейская цивилизация, напротив, чрезмерно предрасположена как к подвижности и прогрессу, так и к развитию индивида. Кризис европейской цивилизации выражен в её негармоничности, разобщённости, индивидуализме.

Германо-романскую Европу должны сменить Америка, Азия или Африка. Однако наибольшие шансы, по убеждению наших мыслителей, все же у Евразии. Какие-либо попытки приблизить её к европейской цивилизации не должны вести к утрате ее собственных начал и ценностей. Всякие же увещевания о необходимости отказаться от национальных основ ради слияния с европейской цивилизацией, не только глубоко ошибочны, но и чрезвычайно опасны. Это неизбежно означало бы не только усиление, но и утрату самобытности Евразии, что в конечном итоге неминуемо обусловило бы ее разложение, самоуничтожение.

Понятно, что евразийцы не могли не приветствовать стремления царской России защитить, обезопасить себя от Европы. Но заботящиеся в начале о политической, экономической, культурной независимости Российские самодержцы вскоре «прельстились самой европейской цивилизации». Все их попытки переделать Россию по европейскому образцу в конечном итоге усилили лишь ненависть к европейскому, породившему, по словам мыслителей, кризис, как «капиталистически-буржуазного строя», так и «социализма и экономичес-

кого материализма». Однако и то, и другое не более чем реализация «европейской цивилизации». В дальнейшем данное умонастроение «сменится,- по Трубецкому, - другим, более сознательным, последовательным и радикальным отвержением не только отрицательных проявлений, но и самой сущности, самого духа европейской цивилизации» (18). И только если этот чуждый России дух будет окончательно отвергнут, она сможет навсегда расстаться с чередой эпох кризисного развития и создать евразийскую цивилизацию, без которой перспектив счастливого будущего, по мнению евразийцев, у неё не предвидится.

Таким образом, славянофильско-евразийская концепция локальных или циклических цивилизаций основывается на анализе как различных фаз кризиса России, так и всемирно-исторического процесса, с характерным многовариантным развитием с фазами роста, спада, способностью к новому возрастанию. Такой подход обуславливает отказ от глобально-эволюционистских построений в исследовании истории, но не от идеи развития. Эволюция стала наблюдаться и фиксироваться в отдельных локальных цивилизациях и во взаимоотношениях между ними, что привело к становлению компаративистики. Циклические теории исторического развития оказали серьезное влияние на историко-философскую и культурфилософскую рефлексию XX в. За славянофильско-евразийскими мыслителями второй половины XIX – начала XX вв. последовали О.Шпенглер, А.Тойнби, П.Сорокин, М.Блок, Л.Февр, Ф.Бродель, Л.Гумилев и др. Циклические теории стали и философской базой развития функционалистской школы в культурантропологии (крупнейшие представители – Б.Малиновский и А.Р.Радклифф-Браун). Они придают исторической науке иной вид, существенно отличный от принятого в эволюционистской парадигме. Каждая локальная цивилизация рассматривается как ценность в себе, для которой возможно достижение как пика, так и кризиса развития, что мощно ударило по европоцентризму в историко-философском сознании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Киреевский И.В. Полн. собр. соч. – М., 1911. – Т. 1. – С. 48.
2. Аксаков К.С. Полн. собр. соч. – М., 1861. – Т. 1. – С. 21.
3. Киреевский И.В. Полн. собр. соч. – М., 1911. – Т. 1. – С. 221.
4. Гачев Г. Русская Дума. Портреты русских мыслителей. – М., 1991. – С. 37.
5. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. – СПб., 1995. – С. 222.
6. Там же. – С. 224.
7. Там же. – С. 225.
8. Там же. – С. 225.
9. Там же. – С. 232.

10. Там же. – С. 248.
11. Там же. – С. 69.
12. Леонтьев К.Н. Моя литературная судьба. Автобиография // Литературное наследство. – М., 1935. – № 22-24. – С. 448.
13. Леонтьев К.Н. Избранные письма. – СПб., 1993. – С. 228.
14. Леонтьев К.Н. Собр. соч. – М., 1912. – Т. 8. – С. 190.
15. Флоровский Г.В. Вечное и преходящее в учении русских славянофилов (Из Пражского Архива) // Начала. – 1991. – № 3. – С. 48.
16. Флоровский Г.В. О патриотизме праведном и греховном // На путях. Утверждение евразийцев. – Берлин, 1922. – С. 278.
17. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. – М., 1995. – С. 545.
18. Там же. – С. 261.

O. Shimanskaya, S. Pushkin

SLAVOPHILO-EURASIANIST INTERPRETATION
OF LOCAL CIVILIZATIONS AS A MANIFESTATION OF
RUSSIA'S CRISIS IN THE MID-19TH – THE EARLY 20TH
CENTURY

Abstract. Analysis of Russia's crisis in the mid-19th – the early 20th century is a central topic of deliberations of the national philosophers of the conservative branch. This topic was first taken up

by the early Slavophiles and then developed by N.Ya. Danilevskiy, K.N. Leontiyev and the Eurasianists. They reasoned that Russia was in crisis because its educated social classes were imitating Europeans and had lost their national values the most important of which they considered to be the Russian people, the original Russian culture, the national Orthodox spirituality, the communal mode of living, the Russian autocracy. The analysis of the crisis was based on the denunciation of the reforms implemented by Peter the Great, the thoughtless Europeanization of Russia and Europocentrism in the political practice and theory. A particular topicality is also imparted to the views of the thinkers mentioned in this article in the light of the modern attempts to liberalize the Russian national thinking. Therefore, the theory of local civilizations and of "culturohistorical types" cannot but attract the attention of the researcher. The views of the early Slavophiles, Danilevskiy, Leontiyev and "Eurasians" are becoming more and more relevant today.

Key words: Crisis, Russia, Europe, Eurasia, early Slavophiles, N.Ya. Danilevskiy, "imitation of Europeans", culturohistorical type, local civilization, K.N. Leontiyev, Byzantinism, Eurasianisms, revolution.